

Детское доверие к жизни

В апреле мозаика Феликса Буха экспонируется в Еврейском центре на Фрунзенской набережной

Феликс Бух — художник универсального дарования: живописец, график, дизайнер, монументалист. В мастерской чего только нет — живописные и графические работы, большие фотографии оформленных кафе, макеты интерьеров каких-то фантастических зрелищ.

Но художественный универсализм сейчас не редкость. Универсалы востребованы — строят и оформляют коттеджи и офисы. Редкостно другое. Бух сумел выбрать и сделать главным нечто, наиболее соответствующее природе его дарования, его темпераменту и воображению. Как ни странно, этим главным стала мозаика. Художник предложил какой-то новый ее вариант. Обычно с мозаикой связано представление о монументальном, изысканном из времени, сакральном ис-

кусстве. Бух внес в мозаику лирическую, личностную струю.

Мозаики Буха — небольшие по размеру, динамичные и наполненные живым чувством, лирической эмоцией. В них ощутима не сакральная вечность, а живое, взволнованное, человеческое время.

Самому художнику почему-то очень хочется, чтобы в его мозаиках заметили драматические и трагические ноты, словом, нечто серьезное. Но это как раз и очень серьезно, когда удастся передать непосредственность переживания мира, детское доверие к жизни. Для такой «игры», как говаривал Б. Пастернак, нужно «много отваги». Гораздо больше, чем для игроков иронических, кривляющихся, скрывающих лица и чувства.

Лев в прыжке, бегущая собака, девушка с короной на голове — все это изображено по-детски просто. Дети не понимают взрос-

лой усложненности. Мозаики таинственно мерцают, поблескивают золотом. Дети любят, когда блестит, когда таинственно. Мне кажется, тут художнику припомнились его детские игры в перенаселенной коммуналке, перенесенные по этой причине на верх старинного шкафа. А я, помнится, играла под столом. Главное было — уединиться, уйти из повседневности в свой мир. Для взрослого художника таким миром стала мозаика — древнее, сакральное, изысканное искусство, сохранившее у Буха аромат детской игры «в кубики», неутомимого желания нечто вырезать, свинтить, собрать руками.

Это игра: играют силы, мускулы, фантазия. Это — новое, таких мозаик прежде не бывало. Но это не «новенькое», тут же становящееся «стареньким», так как под этим — фундамент мировой культуры: наскальная живопись,

коптские ткани, фаюмский портрет, ученье у классиков и современников, генная память и мир души...

Парадоксы, противоречия входят в образную систему Ф. Буха на всех ее уровнях. Положим, в его мозаиках переплетаются два принципа изображения — «иконный», обобщенно-знаковый, и «портретный», дающий индивидуальные приметы облика. Мы можем встретить у художника сценку «охоты на животных», напоминающую условные наскальные изображения эпохи неолита. Но есть у Буха и «Стрелец» с почти автопортретной мускулистой коренастостью, и «Корова» с грустно-задумчивым, человеческим взглядом.

Сама «драгоценность» техники мозаики обыгрывается автором очень по-детски. Детям ведь не важно, дорогой материал или дешевый, — главное, чтобы увле-

кало. Вот и Бух использует дорогую смальту, редкий камень. Но для рамы берется подобранная на свалке фанера и золотится она не золотом, а золотой фольгой. При этом ощущение «драгоценности» сохраняется. Просто автор берет не ценой, а умением.

На уровне исполнения возникает противоречие между «поглощающим», ровным, не блестящим фоном (гранит, туф, известь) и «отражающими», таинственно-мерцающими кусочками смальты. Аскетизм цвета, который «сам по себе» не нужен, дает поразительные «взрывы» золота, лазури, багрянца, особенно приметные на желтоватой поверхности туфа. Цвет тут всегда передает эмоцию, напряжение чувств. Сама природа авторского темперамента — импульсивного, взрывного, динамичного — словно бы противоречит «ремесленной», медленной и кропотливой работе мозаичиста.

Но тут-то и достигается необходимая концентрация, собирание сил, почти молитвенное состояние души, которое нужно воплотить в мозаике за несколько часов, пока известь не застыла. Долгие сборы и необходимость быстрого прыжка. Недаром «прыжки» льва, собаки, кабана — излюбленная тема. Мы видим животных — яростных, сильных, динамичных и... не очень уверенных в себе: а вдруг не удастся перепрыгнуть? Не очень уверен в себе, кажется, и сам художник. Неужели его «детские забавы» кому-то нужны? Но скучную, «взрослую» сложность мировой культуры только и можно оживить таким наивно-удивленным взглядом. Тогда-то и возникает тот необычный, утонченно-эстетский и детски-простодушный мир, который зовется мозаикой Феликса Буха.

Вера ЧАЙКОВСКАЯ